

МОЯ ДУША
ЖИВА ОПЯТЬ

СТЕЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Стелла Александрова
Моя душа жива опять

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Александрова С.

Моя душа жива опять / С. Александрова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Мир снов будоражит умы людей с сотворения мира. Бывший муж Анны, исковеркавший ей жизнь, ласковый во сне, к чему бы это? Кирилл на чувства не растрчивался, измеряя все в перерасчете на материальные ценности. Дороже золота ничего не было в его жизни. Но счастлив ли он? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Анна	5
Глава 2. Кирилл	10
Глава 3. Анна.	17
Глава 4. Кирилл	22
Глава 5. Анна	27
Глава 6. Кирилл	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Стелла Александрова

Моя душа жива опять

Глава 1. Анна

Он присел на корточки, положил руки на ее колени.

– Аня, умоляю тебя.

– Ты меня, умоляешь! – возмущенно вскрикнула она и, скинув его руки, вскочила на ноги.

Анна нервно заходила по маленькой спальне, в которой уже целый год жила с дочерьми, по милости мужа, бывшего мужа. – А три месяца назад, что было, не мольба?

– Анечка, прости. Но мне сейчас они позарез нужны. Если хочешь, я на колени перед тобой встану? – сказал Никита, до сих пор сидевший на корточках, и тут же бухнулся на колени, и с мольбой в глазах уставился на бывшую жену, у которой в глазах застыл ужас.

– Господи! – пробормотала она, – как ты опустился. Ты потерял человеческое достоинство. Стоят ли этого карты? – закричала она.

– Они сказали, что мне смерть, если я не расплачусь с ними, – простонал он, усевшись на пятки.

– То же самое они тебе говорили в прошлый раз, когда мы продавали машину, и ты сказал, что бросишь играть! Ты обещал, что вернешь мне те три тысячи долларов. Но так и не вернул. И как я понимаю, мне уже нечего надеяться на это. Я от тебя за год на дочек ни копейки денег не получила, и после всего этого у тебя хватает наглости, про совесть не говорю, у тебя ее давно нет, прийти снова ко мне просить деньги. Я не печатаю их. Я только работаю с ними. Нет, нет! Я не дам тебе денег. Потому что это все равно, что кидать в черную дыру. Если ты не забыл, у меня есть дети! Ты понимаешь, что сотворил? Ты проиграл их квартиру!

– Прости, Анечка. Но они меня и вправду убьют, – жалобно проговорил Никита.

– Зато перестанешь ходить играть, – со злостью выпалила Анна. – Не дам денег. У моих детей нет нормального жилья, а ты в это время проигрываешь квартиру за квартирой в автома-ты и карты. Уходи. Я ничем тебе не обязана, поэтому можешь не ползать тут. Видеть тебя не могу!

Это были очень жестокие слова. Раньше их Аня никогда не произнесла бы, но сейчас они у нее легко вырвались. Все что произошло до этого, вызывало не только гнев, но и желание душу вытрясти из бывшего мужа, растерявшего не только моральное достоинство, но и внешнее. В мятом костюме, в рубашке, некогда белой, сбившимся на бок галстук, с темными кругами под глазами, небритый, волосы набриолиненные прилипли ко лбу. Никита представлял жалкую пародию на офисного менеджера или банковского клерка.

Уходил он, напоминая побитого щенка.

Анне его жалко не было. Семь лет семейной жизни с ним для нее были годами существования с одной мыслью, как выжить. Жить так больше она не хотела.

Спустя три дня Никита явился вновь. Но в этот раз он почему-то не требовал денег. Присел на край дивана, на которой спали Анна с дочерью, и, поглаживая ей руку, сказал:

– Здравствуй, Анечка. Больше, я не буду у тебя просить денег. Наоборот, все сделаю, чтобы тебе с девочками было легче жить. Ты же знаешь, как я тебя люблю, – наклонился он над ней. – Ты прости меня за все прежнее. Я был не прав.

Никита прикоснулся губами к губам Ани, но она ощутила не тепло, а холод. Озноб пробежал по ее телу, она испытала отвращение к его прикосновению.

– Оставь меня, – воскликнула она, – не трогай, – и попыталась оттолкнуть. Но он не поддался ее усилиям. Да и сил почему-то у нее не было. – Не трогай меня! – закричала она. Но Никита упорно лез целоваться. – Уйди, уйди! – рыдала Аня. Он был ей противен и пугал своей настойчивостью.

– Мама, мамочка, что с тобой, – услышала она голос Ксении, шестилетней дочери. – Мамочка, проснись, – умоляла она, теребя ее за плечо.

Аня открыла глаза. Ночь. Плач Ксении привел ее в чувство. Это же был сон с участием бывшего мужа.

– Тс-с, – привлекла она к себе дочь. – Все, все.

– Мамочка, ты так кричала. Стукнула меня рукой. Я так испугалась, – всхлипывая, проговорила она.

– Все, больше не буду.

Из-за жилищных обстоятельств, Аня со старшей дочерью спала на диване в зале. А младшая пятилетняя Карина в детской кроватке в комнате с бабушкой. Такая жизнь продолжалась уже год с лишним. На покупку своей двухкомнатной квартиры у Ани не хватало еще одной трети денег от их средней стоимости. Кредит в банке не хотела брать, не желая заработанные деньги пускать на проценты.

Успокоив дочь, Аня снова задремала.

– Анечка, дорогая, любимая, – нежно обращался к ней Никита. – Ну, зачем ты меня отталкиваешь? Я же больше не играю. Ведь только это мешало нам быть вместе.

Широко распахнув глаза, Аня уставилась в темноту. В комнате раздавалось шипение кота. При лунном свете падающем из окна, она увидела Марсика, стоящего посередине комнаты выгнув спину и смотрящего прямо на нее горящими зелеными глазами.

В груди неровно забилось сердце, волосы зашевелились на голове.

– Марсик, Марсик, – зашептала она.

Кот перестал шипеть и цокая коготками убежал из комнаты.

Господи, что это было? И что за наваждение во сне. Опять Никита. Правда, бросил играть? Если бы оно так было – сон в руку. Какое счастье привалило бы для них всех. Ведь, когда поженились, у него такого порока не было. А как он ждал рождения девочек и любил их. Но раз, попробовав играть, променял все семейные ценности на рулетку, карты и игральные автоматы.

В прошлом году, несмотря на ее безмерное терпение, Ане пришлось отказать дочерям, иметь постоянного отца, а также положить конец своим нервотрепкам и страданиям.

Однажды, конечно, это громко сказано, Никита почти каждый день являлся под утро, он поднял ее с постели и потащил на кухню. На нем не было лица. Руки его тряслись.

– Анечка, Анечка, – умоляющим тоном обратился он к ней, – я не знаю, как это получилось, но я должен им все вернуть.

Аня спросонья, никак не могла понять, о чем разговор. Кому им, и что он должен?

– Что ты должен вернуть? – усевшись на стул и глядя на него сонными глазами, спросила она, и тут поняла, что ответа ей уже не требуется. Деньги.

– Деньги, деньги, – зашептал истерично Никита, хватаясь за голову, – что еще я могу быть должен. Ты что, тупую, из себя изображаешь?

До этого случая болезненная страсть мужа ни разу не затронула ни ее, ни интересы семьи. Проигрыши он не афишировал, а когда выигрывал, то покупал небольшие подарки ей и детям.

– Никита, но ты... ты..., – Аня потеряла дар речи. Представление, что он проигрался по крупному, типа, как на кон поставил квартиру, или может еще больше, тисками сдавило ей горло. – Сколько? – выдавила она.

– Двадцать тысяч, – простонал Никита.

– Рублей? – попробовала облегченно вздохнуть Аня. Это конечно большая сумма. Но, постаравшись, они смогут вернуть ее за три месяца.

– Дура! Дура! – заметался он по кухне. – Стал бы я убиваться из-за этой мелочи.

С ужасом в глазах Аня уставилась на мужа.

– Долларов? – прошептала она.

«Разве можно такие деньги проиграть? Это сколько времени играть надо?» – в мыслях пролетело.

– Евро! Евро!

Понимание размера бедствия постигшего семью было сродни извержению вулкана. Такую сумму ей надо собирать несколько лет, и при этом туго затянув пояса. В голове промелькнули несчастные лица ее девочек, щелкнул инстинкт защиты.

– Сволочь, – тем же голосом, что и спрашивала, проговорила Аня. В уме все больше и больше раскручивались картины нищеты, падения в обществе. – Сволочь, ты сволочь, – с каждым словом повышала она тон, и под конец завопила. – Ты мразь! Урод! Как ты мог так с нами поступить? – подскочила Аня со стула и кинулась на мужа с кулаками. – О чем ты думал? На что обрек нас?

– Убери руки, ненормальная, – закричал он в ответ, и оттолкнул ее. Она, пролетела через кухню и упала на стул. – Я всю жизнь только и делал, что думал о других. А пока, чтобы меня не убили, придется продать квартиру, чтобы вернуть долг.

Аня ошеломленно смотрела на него. Силы разом покинули ее. А муж деловито расписывал, как он будет возвращать карточный долг.

– Продадим хату. Она тянет на сорок кусков. Двадцать я отдам, а на остальные купим двухкомнатную на окраине. Ничего, люди и там живут.

– Я больше не буду с тобой жить, – неожиданно даже для самой себя сказала Аня.

– Что? – спросил Никита, перестав разглагольствовать. Найдя выход из проблемы, он вздохнул свободно. Оперился. В этот момент его не волновало, что он осознано отправляет семью жить в неблагополучный район.

– Я развожусь с тобой, – решительно сказала Аня. Все его прегрешения, сейчас давили ее непомерным грузом. Но почему-то это непосильная ноша не согнула напрочь, а заставила сопротивляться. На кон была поставлена судьба ее девочек. Игрока никогда не вылечить. – Следующим твоим шагом будет продажа и той квартиры. Так что, продаем квартиру, забирай двадцать тысяч и с глаз долой.

– Как это? Как это? Я что без жилья останусь?!

– Это твои проблемы. Радуйся, что я вообще соглашусь квартиру продавать. А будешь много вопить, в суд подам на раздел, тогда и на девочек отсужу.

Муж с ненавистью уставился на жену.

– Это благодарность мне за все??

– Ты случаем, не про подарки твои намекаешь? Иди, забирай их. Знаешь, где мягкие игрушки стоят? Самые мелкие твои.

– Сука!

– Это ты себе адресуй. Не я в карты проиграла квартиру. Урод, – не удержалась от оскорбления Аня.

Дальнейшее было, как страшный сон. Развод, продажа квартиры, переезд к матери, не очень-то обрадовавшейся новым жилищам, хоть и близкая родня. Она была не замужем. С отцом Ани развелась, когда той было пять лет. С тех пор находилась в вечном поиске спутника жизни.

Жить с матерью было не сладко. На правах хозяйки, она могла выставить их на некоторое время из квартиры, чтобы ей не мешали встречаться с мужчинами. Так что, мечта о своей квартире на данный момент была самой острой.

Аня работала в частном банке в кредитном отделе. Зарплаты ее была не велика по меркам Москвы, но откладывать часть денег она старалась. Желание жить независимо заставляло.

Только поведение Никиты было таким, что ее мечта никогда не сбылась бы. Его бы воля, побираться ей с детьми.

Как ни старалась Аня отмести все размышления, они не давали ей покоя. И сон глубокий не шел.

Утром она встала с тяжелой головой. На беду и девочки повыскакивали из постелей, и каждой что-то срочно понадобилось. Поэтому она прилетела на работу с трехминутным опозданием и взъерошенная, желая одного, чтобы не заметила начальник отдела. Сорокалетняя старая дева с желчным характером. Но сегодня был не Анин день.

– Анна Васильевна, доколе это будет продолжаться? – показывая на настенные часы тощим указательным пальцем, спросила она, стоя у ее стола.

«Черт», – с досадой подумала она, хотя этот эпитет можно было отнести и к внешности начальницы. Глядя на нее, можно было смело сказать, почему она не замужем. Да с такой не то, что жить, но и сидеть рядом страшно. Как сказал в курилке новенький работник, обсуждая начальство, я столько не выпью, чтобы бесстрашно с ней общаться. Поэтому он и остался новеньким, выдворили с работы на следующий день. А остальные примолкли навечно, понимая, что среди них водится большая крыса.

Вслух же Аня залепетала:

– Ой, простите ради Бога, Инесса Владимировна. Больше такое не повторится.

– Постарайтесь. Не то следующий приказ на вас будет увольнение за систематическое опоздание.

Желание сказать, что она в всего лишь один раз опоздала, так и осталось желанием. А причиной такого поведения Ани было одно, боязнь остаться без работы. Кто тогда будет детей кормить? В Аниных мечтах был момент, когда она уходит с работы и высказывает старухе, так за глаза ее называли в отделе, все, что о ней думает.

Но пока, она села быстро за стол и вытащила документы клиентов, которые должны были прийти сегодня. Наталья, подруга, коллега и соседка по рабочим столам, кивнула ей молча, сморщившись на мгновение, как от боли.

Время обеда было встречено с большим энтузиазмом со стороны всех работников. Поднявшись и потянувшись, разминая затекшие суставы, все похватили свои сумочки, чтобы пойти в кафе напротив.

– Слушай, чего это ты припозднилась? – спросила Наталья, когда они вышли на улицу.

– Как всегда, мой удружил?

– Опять заявился? Снова деньги просил? – возмутилась она.

– Ага, но только во сне. Самое страшное было то, что он не просил денег, а наоборот сказал, что будет мне помогать.

– Да, ну!!! И впрямь испугаешься, – залилась смехом подруга.

– Тебе смешно, а я кричала, потом до утра уснуть не смогла, – тяжело вздохнула Аня.

– Слушай, а может сон в руку, и он точно перестанет тебе надоедать?

Оптимистичное предположение Натальи было прервано звонком мобильного телефона Ани. Она достала его из сумочки и поднесла к уху, в тот момент, когда они начали переходить дорогу.

– Да, мам, – ответила она, надеясь, что та звонит не из эгоистичных побуждений. Снова ее с девочками оставить на улице этим вечером.

– Анька, я говорила, что твой кончит плохо в этой жизни, – завопила Раиса Николаевна, – так вот я оказалась права!

– Ты о чем, мам?

– Он покойник! Так что тебе крупно повезло, что это произошло так быстро!

– Мам, с тобой все в порядке? – насторожилась Аня.

– Лучше не бывает! Звонили из морга. Твой вчера очоурился, так что бери дни, и беги хоронить своего благоверного. Больше-то некому.

– Господи! – остановившись посреди дороги, – воскликнула Аня, – ты это серьезно?

– Куда уж серьезней! Надо ехать его опознавать.

– Мам, неужели это правда? – застонала Аня.

– Анька, что с тобой. Пошли, задавят ведь, – тянула ее за руку Наталья, успевая показывать и непристойный жест водителям, кричавшим, дуры безмозглые, чего стоите тут.

Заташив ее на тротуар, она дала волю и своему гневу.

– Ты, что с ума сошла?! Остановилась посереде улицы!

– Не сойдешь тут! – воскликнула Аня и сдунула упавшую на глаза рыжую кудряшку волос. – Мой бывший в морге лежит!

Открывшийся в удивлении рот Натальи, хоть немного компенсировал Ане неожиданно свалившуюся на нее неприятную весть.

– Да, ладно, – протянула подруга, – и правда перестал надоедать, – смогла она пробормотать и замолчала, глядя в изумлении.

Слов не было и у Ани. Но зато мыслям был простор. Внахлест с эмоциями. Теперь она очень сожалела о тех последних словах сказанных Никите. Только их уже не вернуть, как и его.

Глава 2. Кирилл

– Боже, как я устала, от этих рож! – воскликнула Алла, как только автомобиль отъехал от ресторана.

Ее муж, откинувшийся на спинку сиденья, закрыв глаза, испытывал те же чувства, но не поддержал разговор. Что делать, положение обязывает крутиться в обществе людей, хотя некоторых из них желание видеть не было никогда, не то, что руку подавать.

– Ты что заснул, что ли? – толкнула его под локоть Алла.

– Почти, – не открывая глаз, пробормотал Кирилл.

– Давай, прогуляемся немного. Подышим свежим воздухом, – взяв его под локоть и, прижавшись к нему, предложила она.

– Стоит ли, уже поздно?

– Да в нашем парке-то чего бояться? Рядом дом, – настаивала Алла. – Ты боишься темноты?

Откровенная насмешка проскользнула в ее голосе.

Кирилл открыл глаза, и увидел, скривившиеся в едкой усмешке пухлые накачанные губы жены. Он перевел взгляд на спину водителя, тот вел спокойно «Вольво», будто не слышал их разговора.

– Боюсь, – процедил он, понимая, что речь жены – игра на публику.

–

Да, ладно тебе, – засмеялась она. – Я пошутила. Просто вечер душный. А мы все время в помещениях.

Июнь в этом году с первых чисел, и правда, выдался жарким.

– Володя, притормози возле въезда.

– Хорошо, Кирилл Сергеевич. Мне пройтись с Вами? – спросил он, когда они вышли из автомобиля.

– Нет. Поезжай домой, отдыхай. Завтра подъедешь, как обычно.

– Хорошо. До свидания.

– До свидания, Володя.

Пока он общался с водителем, жена уже говорила по мобильному телефону. Да, без мобильного не может и минуту прожить. Отключив телефон, повисла на его руке.

– Ой, хорошо как на улице. Все хотят на юг, я бы на север поехала от этой жары и духоты.

– С новой шубой? – усмехнулся Кирилл.

– А почему бы и нет? Имею право!

– Да, прав у тебя конечно хоть отбавляй. А обязанности когда будешь выполнять?

– Ты опять о своем? – поморщилась Алла. – Дай пожить для себя. Ребенка мы всегда успеем завести.

– Ребенок не собака, чтобы его заводить, – резко проговорил он. – А мне уже почти сорок, и впереди не молодость грядет.

– Да, хватит тебе занудствовать, – раздраженно воскликнула Алла и, отбросив его руку, ушла вперед. – Постоянно одно и то же, – пробурчала она. – Достал!

– Ой, какие крали здесь ходят! – прозвучало из темноты. – Иди-ка сюда, милая! Какие у тебя цацки клевые!

Алла взвизгнула и отпрыгнула в сторону. Большая тень метнулась в ее сторону и схватила за руку.

– А, отпусти меня, сволочь! Кирилл, помоги!

Кирилл и без призыва о помощи был уже рядом. Он молча нанес удар нападавшему. Рука врезалась в худощавое тело скрытое джинсовой тканью, но мгновение спустя перед глазами

сверкнул металл, и инстинкт самосохранения заставил Кирилла выбросить руку в том направлении. Адская боль заломила ладонь. В темноте Кирилл, вместо кисти противника, схватился за лезвие ножа. Но удар кулаком, неожиданно нанесенный ему в спину, отвлек и от боли, и от заструившейся по руке крови. Нападавших оказалось двое. Кирилл пошатнулся и, не выпуская сжатого в руке ножа, упал на первого хулигана, и они кубарем покатались по земле. Понимая, что он находится на грани жизни и смерти и только от него самого зависит, в каком мире будет в следующий момент, Кирилл напряг все свои силы и, оттолкнувшись ногой от лежащего под ним мужчины, откатился в сторону и вскочил на ноги.

Две тени кинулись к нему. Задумываться о том, какие у них намерения по отношению к нему даже не стоило. Потому первый нападающий был, как сказали бы драчуны, поднят на кулак. Раздался смачный звук удара, и мужчина со сломанной челюстью отлетел в сторону. Но полный нокдаун он получил, встретившись в полете с деревом, которое росло рядом с дорогой. Этого Кирилл не видел, занятый другим объектом нападения. Для него был припасен коронный удар ногой, после которого, Кирилл знал, что и сам не сможет устоять.

Хруст ломающихся костей предшествовал звуку падений тел на землю.

– Боже, Кирилл, как ты? – услышал он голос жены спустя некоторое время. – Господи, этих сволочей убить надо за такое. Что они тебе сделали? – присела она возле него, стараясь уберечь длинное платье.

– Алла, надо вызвать полицию, – сдерживая стон, от пронзавшей руку боли, сказал Кирилл. Он сидел на земле, придерживая раненую руку. – Ты не звонила?

– Нет. Ты же ментов терпеть не можешь. Да, и колье на месте, – теребя его на шее, проворчала она, внимательно разглядывая мужа. – Ой, у тебя порезана рука?

– Вызови полицию, здесь без нее не обойтись, и скорую тоже, – сказал Кирилл, с трудом поднимаясь с земли. Схватка с двумя мужчинами, хоть и была короткой, отняла достаточно сил. – Может, ты позвонишь, наконец? – обратился он к Алле, уже стоящей на ногах и вглядывающейся в темноту, где по предположению должны были находиться бандиты.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась она, вытаскивая из сумочки телефон, и, продолжая, поглядывать по сторонам.

– Не беспокойся, у них сломаны челюсти, и вряд ли они теперь способны драться, – решил успокоить ее Кирилл. – Они тебе ничего не сделали?

– Нет. Да их убить было мало, – вдруг сильным голосом завопила Алла.

– Успокойся, Алла. Сейчас подъедет полиция и заберет их. Звони только быстрее, пока они не очухались.

– Успокойся? – неожиданно завизжала она, – на тебя нападают в темноте с ножом и быть спокойной?

– Алла, ты позвонила в полицию? – усталым голосом спросил Кирилл. Теперь, когда все закончилось, и у него нещадно болела порезанная рука, ему было не до истерики жены.

– Уже, звоню, не видишь что ли, – ответила она раздраженно. – Полиция? На нас двое бандитов напали в парке. Мужу руку порезали. На улице...

Прислушиваясь к разговору жены, Кирилл достал носовой платок из кармана брюк и попытался обвязать руку, чтобы остановить кровотечение. Стоять здесь, в ожидании приезда полиции, истечешь кровью. Да и шут с ними с этим хулиганами, драгоценности жены остались на ней.

– Пошли домой, – приказал Кирилл Алле.

– А что же с ними?

– Первую помощь, что ли хочешь оказать? – с ехидцей спросил он. – У меня кровь тут хлещет. Я сам сейчас рядом с ними лягу, – направляясь в сторону дома широкими шагами, сказал Кирилл. – Черт с ними, наказание не в этот раз, так в другой, они все равно себе найдут.

Алла засеменила рядом, беспрестанно оглядываясь назад.

Пока они дошли до подъезда, сжатый пальцами носовой платок пропитался кровью, хоть выжимай. Охранник, по совместительству и консьерж подъезда, увидев капающую с руки кровь, застыв на мгновение, кинулся к телефону.

– «Скорая», срочно к дому по улице... Нескоро будет? Мы подождем.

– Спасибо, Андрей, – поблагодарил его Кирилл, усаживаясь в одно из кресел стоящих в холле.

– Минуточку, – сказал охранник, положив трубку, и через несколько секунд вышел из своей комнаты с бинтом в одной руке, перекисью водорода в другой.

Алла, упавшая в соседнее кресло, глядя на суету Андрея, даже бровью не повела. Создавалось впечатление, как будто рана мужа представляла для нее царапину на детской коленке.

Благодаря стараниям охранника, через пять минут кровь перестала капать.

– Ну, уже лучше, – сказал Андрей выпрямляясь и поглядывая на свою работу – толстый слой марли затянутый бинтом на руке. – Но хирургическое вмешательство обязательно, здесь не менее десятка швов наложить придется, – уже глядя в глаза Кириллу, проговорил он и снял с его светлых волос веточку дерева.

– Ну, я пошла домой. Моя помощь здесь все равно не требуется, а мне завтра с утра в салон нужно ехать, да и с что я тут с этими брюликами торчать буду, – сказала Алла, взглянув на чистую повязку на руке мужа, и, изящно поднявшись с кресла, направилась к лифту.

Под молчаливыми взглядами мужчин – изумленным одного и бесстрастным другого, она скрылась в нем.

– Может не стоит ждать «Скорую»? – откашлявшись, спросил Андрей. Бездушные жены Кирилла Сергеевича, его слегка шокировало. – Вызовите своего водителя. Он и назад потом вас привезет, – предложил он.

– Не хотелось бы беспокоить его в этот час, но видимо придется, – согласился с ним Кирилл.

Володя, не привыкший задавать начальству лишние вопросы, прибыл спустя полчаса. Это был крепкий мужчина, среднего роста, 37 лет. В компанию он пришел устраиваться из полиции, проработав там тоже водителем. Повязка на руке начальника вызвала на его лице огромное удивление, и он изменил своему правилу:

– Кирилл Сергеевич, что произошло? А где Алла Александровна? С ней все в порядке?

Андрей не удержался от презрительного хмыканья, а Кирилл уже привыкший к неординарному поведению жены, лишь слегка усмехнулся:

– Она дома, Володя, и в отличие от меня, на ней ни одной царапины. Едем в «скорую».

В отделении «Скорой помощи» Кирилла в начале завалили вопросами о его личности, затем – почему возникла на руке у него такая рана, и только потом приступили к наложению швов без анестезии. Забинтовала молодая медсестра руку так, что она напоминала снежный ком. На прощание попросила не мочить руку и обратиться на следующую перевязку в поликлинику по месту жительства. Мысленно чертыхаясь от свалившейся на него напасти, Кирилл вышел в коридор.

Ночь Кирилл промаялся от боли в руке. Но недосып и боль, лишь в той части тела, которая не мешала ему двигаться и думать, не являлись причиной того, чтобы не заниматься бизнесом. Его сферой было ювелирное дело. На предстоящий день была запланирована важная деловая встреча, в ходе которой они должны были договориться о крупной поставке новой продукции.

С забинтованной рукой он прошел по коридорам офиса до своего кабинета, вызывая на лицах сотрудников фирмы выражение любопытства.

Его партнер по бизнесу Николай Петрович Хладов не преминул тут же заглянуть к нему.

– Здорово, Кирилл, что тут за разговоры идут, типа, ты у нас подбитый? – спросил он, пристально разглядывая приятеля, сидящего за столом и левой рукой переворачивающего ежедневник. – Кажись, у тебя все на месте.

Кирилл, молча, положил на стол правую руку, пальцы которой из повязки торчали, как штыри в незалитом бетоном фундаменте.

Николай, присвистнув, упал на стул.

– И впрямь подбитый! И как ты теперь документы будешь подписывать?! Крестики левой рукой ставить?! – озадаченно воскликнул он. – Ладно, хоть теперь в банке не лично подписываем чеки. Вот проклятие! – не отрывая взгляда от покалеченной руки, выругался он. – А что случилось-то? Как это тебя угораздило? – но в вопросе было не столько сочувствия, а сколько недовольства, неожиданно возникшим обстоятельством.

Кирилл оторвался от чтения записей в ежедневнике на сегодняшний день. Его партнер был человеком заводным, эмоциональным. Но это качество как раз и способствовало процветанию их бизнеса. Идеи, предложения, предположения, так и сыпались из Николая, а сдержанный и вдумчивый Кирилл просеивал их, как через сито, в своем уме и претворял в жизнь.

Его рассказ о вчерашнем вечере был короток, лишь по существу: шли по парку, к жене пристали двое типов с ножом, пришлось защищаться, вот и порезал руку. А лучше бы он ничего не говорил.

Коля вскочил на ноги и, нависнув над столом, посмотрел на него, как на сумасшедшего. Затем из него вопросы забили не то что ключом, а фонтаном, при том эмоционально окрашенные.

– Нет, а чего вас поперло ночью через парк с брюликами на миллион? А где твой шкаф в это время был? И вообще, как на закрытой территории эти подонки могли оказаться? А если бы тебе не только руку порезали? О чем ты думал, Кирилл? Какого черта ты платишь зарплату Володе, от него нет никакого толка? А где охрана территории была? Ты в полицию заявил? А ты не думаешь, что это был заказ?

Последний вопрос дал трещину в сдержанности Кирилл.

– Брось, – раздраженно кинул он, – заниматься ерундой. Это были, чуть ли не подростки с перочинным ножом. Они просто хотели поживиться.

Но сомнения в правильности своих рассуждений у него все же появились. Потому как нож был не перочинный, и бандиты, совсем уж не дети, а чтобы грабить, не обязательно проникать на охраняемую территорию.

– А вот как все было-то! – едко усмехнулся Коля, – ты еще скажи, что они махали перед тобой песочной лопаточкой, а ты...

– Стоп, – зарычал Кирилл, – хватит. Что у нас сегодня на 9.00 назначено?

Николай на мгновение опешил от его выпада и сменил обвинительную позу, встав прямо возле стола.

– Э...

– Встреча с представителем ювелирной фабрики для подписания договора, – подсказал ему Кирилл. Взглянул на часы, – осталось 10 минут. Ты готов?

– Я то готов, – хмыкнул партнер, – а вот как ты договор будешь подписывать? – Он еще что-то хотел добавить, но выражение лица Кирилл заставило оставить при себе мысли по этому поводу. – Ладно, – сев на стул, сказал он, пытаясь погасить в себе эмоции, – соединись с Катюшей, узнай, Морозов с договором в переговорный зал подошел?

Расписывался Кирилл, несмотря на мрачный прогноз Николая правой рукой. Правда, способ подписания был не такой как раньше, с напором и захватским росчерком на конце подписи. Подпись выписывал тщательно и долго.

Ближе к обеду ладонь нещадно разболелась, и возникло большое желание сорвать повязку. Вспомнив, что на фирме имеется кабинет оказания экстренной медицинской помощи, Кирилл направился туда.

Медсестра занималась тем, что усиленно просматривала каталог с косметикой. Можно, конечно, было ей сделать замечание, но безделье на рабочем месте говорило, что на фирме со здоровьем сотрудников на данный момент все в порядке.

Увидев начальство, девушка подскочила со стула и с виноватым видом затараторила приветствие.

– Здравствуйте, Анастасия, – сказал Кирилл и, приподняв правую руку, попросил, – сделайте мне перевязку, что-то она сильно разболелась.

У девушки при взгляде на его руку округлились глаза.

– Ой, а кто это вам так ее забинтовал?

– Медсестра в «скорой помощи» сегодня ночью.

– Она что была пьяна?

– Нет, – рассмеялся Кирилл, – а что?

– Присядьте, вот сюда Кирилл Сергеевич, – усадила его Настя возле небольшого металлического столика. – Ну, какая нормальная медсестра сделала бы такую повязку, – осторожно разматывая ее, усмехнулась она. – Зачем через пальцы-то бинт надо было накладывать?

Пройдя антисептиком по ране и швам, Анастасия наложила новую повязку, натянула поверх эластичную медицинскую сетку, и теперь Кирилл мог кончиками пальцев даже ручку держать. Он удовлетворенно хмыкнул.

– Ваше замечание по поводу медсестры, Анастасия, мне теперь понятно. Но она была очень молода и думаю, что, скорее всего, пропускала практические занятия. А вот за нашу медпомощь на фирме я буду вдвойне спокоен, зная уже на своем опыте, какая Вы умелая. Спасибо большое!

– Пожалуйста, Кирилл Сергеевич, приходите через пару деньков на новую перевязку. А пока старайтесь не мочить повязку.

– Тяжеловато ведь следовать вашему совету. Мыться каждый день надо, – вздохнул Кирилл. – Не говоря о бритье.

– О! Это без проблем можно сделать! – воскликнула девушка.

Она открыла большой шкаф и через минуту перед Кириллом лежала пара медицинских перчаток нужного ему размера.

– А ночью не болит?

– Есть немного, эту ночь проворочался, не смог толком спать.

– Могу предложить легкое снотворное и обезболивающее.

– Не откажусь, – согласился он. Выспаться без ощущения постоянной боли, ему не мешает.

В кабинет он возвращался в приподнятом настроении. Все не так плохо в итоге, как казалось. Работоспособность его не снижется, а это самое главное. И ночное происшествие в данный момент представляло собой не более, чем укус комара.

Но радушному настроению Кирилла не суждено было долго длиться. В приемной в кресле посетителей его ожидал немолодой мужчина с черной папкой на коленях, всем своим видом говоривший, что он прибыл из правоохранительных органов. Слова секретарши Кати подтвердили его мнение.

– Кирилл Сергеевич, к Вам из полиции пришли.

Мужчина поднялся и представился:

– Участковый уполномоченный полицией майор Казанкин Виктор.

– Чем обязан вашему визиту? – сухо спросил Кирилл, мысленно перечислив, что могло привести товарища из органов в его офис. Его неприязненное отношение к этой структуре власти корнями уходило в детство.

– Мне лично ничем, – усмехнулся офицер. – Говорил начальству, что вызвать вас надо по повестке. Как Ваша рука? – с елейным сочувствием спросил он.

– Не жалуюсь. Так Вы по поводу нападения на мою жену?

– Больше на Вас.

Усмешка так и не сходила с лица майора. Неприязнь была взаимной.

– Поговорим, Кирилл Сергеевич?

– Ну, что ж пройдемте ко мне в кабинет, – распахнул дверь Кирилл. – Катя две чашки кофе, пожалуйста.

Неприязнь неприязню, а этикет надо соблюдать.

Разговор начался только после того, как Катя вышла из кабинета, расставив на небольшом столике стоящим между двух кресел две чашки кофе, молочницу, сахарницу и вазочку с печеньем.

– Угощайтесь, – сказал Кирилл, – и я Вас слушаю.

– Вообще-то это я Вас пришел послушать, – ответил майор, делая глоток из крохотной чашки, в больших руках смотревшейся наперстком. – Великолепный кофе, – не сдержал своего восторга он и улыбнулся добродушно.

Эта улыбка заставила Кирилла немного снизить напряженность и по-другому взглянуть на собеседника. Невольно и он улыбнулся.

– Итальянский способ приготовления кофе Арабики. Вырви сердце по-нашему, – рассмеялся он. – Больше двух чашек в день не рекомендуется пить. Посадишь сердце.

– Ну, на мою зарплату немного выпьешь такого кофе. Разве что только в особых случаях приходится удовольствоваться, например, когда пострадавшими являются богатые люди. Спасибо. Поговорим? – спросил он на этот раз без всякой усмешки.

– Спрашивайте, что Вас интересует.

Майор отодвинул в сторону чашку и молочницу, выложил на стол из папки стопку официальных бланков. Кирилл прочитал на верхнем выделенное жирными большими буквами слово «ПРОТОКОЛ». Дальше разговор стал вестись бесстрастным тоном. Заполнив сведения о Кирилле с его слов, офицер попросил:

– Расскажите подробно все о происшествии с Вами. Начиная с того момента, что подвигло Вас прогуливаться в столь поздний час или это Ваша ежедневная прогулка.

– Нет, прогулка была спонтанной, жене захотелось свежим воздухом перед сном подышать.

– Значит, никто из посторонних не мог знать об этом?

– Конечно. Вышли из машины неожиданно, и пошли пешком, – раздраженно проговорил Кирилл.

– Отлично. А теперь рассказывайте, что было дальше, я буду записывать.

Кирилл опустил только то, что они повздорили с женой и из-за чего.

– Запомнили ли Вы лица нападающих?

– Бог с Вами. Освещение там слабое.

– Есть размышления по поводу нападения? – спросил его майор.

– Хулиганы, бандиты. Обыкновенный разбой, я думаю. Никто ведь не знал, что мы можем пойти пешком.

– А где вы научились так отпор давать? – поинтересовался майор. – С ножом, двое. Я изучал вашу биографию, что вы в армии не служили. Так сказать, мамен... – не договорил он

– Я в детстве карате занимался и самбо, – жестко перебил его Кирилл.

– Ясно, вопросов нет.

Майор дал ему прочитать написанное и подписать, что с его слов записано верно.

Складывая протокол в папку, поинтересовался:

– А в какое время дня можно застать Вашу жену дома?

– Вы и ее будете допрашивать?

– Обязательно. Такова процедура.

– Честно сказать, я желал бы, чтобы это дело было закрыто. Могу я написать такое заявление?

– Нет. Материалы собираются по факту. Так что, извините, – хмыкнул майор. – Хотя я бы тоже был рад этому. Меньше работы. Так, во сколько я завтра смогу увидеть Вашу жену?

– Не могу сказать. Оставьте мне ваш номер телефона. Я свяжусь с Вами.

– Был бы признателен, если сообщите сегодня, – написав на вырванном из блокнота листке, сказал опер.

– Постараюсь, – чуть ли не расшаркался Кирилл, лишь бы только не видеть полицию в своем офисе.

Глава 3. Анна.

Тишина соответствовала месту. Гробовая. А прохлада помещения, после 30-градусной жары на улице, не казалась Анне спасительной. Подальше бы от такого охлаждения. Все клеточки ее тела забились в нервном ознобе. И солнечные лучи, бьющие в окна расположенные высоко под потолком, и лежавшие на полу яркими прямоугольниками, не были спасением от пронизывающего внутреннего холода.

Молодой человек, на удивление в кипенно-белом, но мятом халате, проводил Анну в холодильное отделение морга. Подойдя к одному из ящиков холодильной камеры, он выдвинул его. На лежанке лежал мужчина. На нем был такой же костюм, какой в последний раз Анна видела на своем муже. С содроганием, взглянув на лицо трупа, она слегка оступилась. Сопровождающий оперативник, мужчина средних лет, предупредительно поддержал ее.

– Да, это мой бывший муж, – прикрыв рот рукой, пробормотала она.

Боль пронзила виски, тошнота подступила к горлу и Анна, оттолкнув полицейского, помчалась на улицу.

Как и предрекал Никита, что его убьют, так оно и случилось. Его нашли застреленным на съемной квартире. Но перед тем, как застрелили, сильно избили. Кто это сделал, полиция не могла сказать. На данный момент было только известно, что выстрел произведен из пистолета Макарова. И теперь опера интересовало, за какие такие заслуги ее муж был удостоен чести быть расстрелянным.

– Он играл, – все еще находясь в состоянии транса, выдавила Аня.

– В казино? А в каком обычно? Он наверно должен был приличную сумму, иначе этого не произошло бы, – то ли спросил, то ли анализировал вслух оперативник.

– Да, должен был. В свое время нам пришлось продать квартиру из-за его долгов. Он обещал, что больше это не повторится. Но я ему не поверила и подала на развод.

– А кому он отдал тогда те деньги?

– Не знаю. Я ничего не знаю, – нервно теребя сумку, взглянула Аня на полицейского.

Его пристальный взгляд пронзительно голубых глаз, заставил Аню почувствовать себя никчемной, ничтожной и глупой женщиной.

Да, она часто не знала, чем занимался муж, а теперь-то, когда стал бывший, то подавно. На ней висели днем – работа, вечером – дети, ко всему прочему добавлялась и мать. Когда ей заниматься проблемами бывшего мужа? О себе бы подумать не мешало! Гордость вскипела в ней праведным гневом. Что хочет сказать этот оперативник, что она была беспутной женой? В солидарность с покойником играет?

– Да, не знала, – возмущенно проговорила она, – и ничего знать не хочу. От него были только одни неприятности! – почти перешла на крик Аня.

– Успокойтесь, Анна Васильевна. Я что-то не то сказал?

– Да, сто лет пройдет, я не успокоюсь, вспоминая Никиту. Носитесь со своей солидарностью! – не могла остановиться она.

– С какой солидарностью? – с недоумением спросил мужчина.

– Да, идите Вы! – взвизгнула Аня, переходя на грубость, потому что не знала, что еще можно сказать и понеслась прочь от него.

– При чем тут все же солидарность, – почесал затылок оперативник, глядя ей в след. – Нет, только что слова нельзя было вытянуть, а через минуту вся возбужденная, – усмехнулся он. – Пойми этих женщин, – перехватывая папку с бумагами, пробормотал оперативник. – Э, стойте, а протокол подписать?

Но его слова услышал, только ветер.

Спускаясь в метро, Аня стала себя корить за несдержанность и бестактность в общении с официальным лицом. Ей ведь, скорее всего, еще не раз придется сталкиваться с полицией. А там уже пойдет он ней молва, как о ненормальной.

"Господи, о чем у тебя только мысли?! – воскликнула она мысленно. – Ты, лучше подумай, на что хоронить мужа будешь! Снова минус из квартиры! Господи, – снова вспомнила Всевышнего Анна, – когда же я смогу деньги набрать на квартиру?" Но ее обращение осталось без ответа, как и все предыдущие. Скорее бы добраться до дома и забыть хоть ненадолго, что она видела в морге.

Но чаяниям Ани не должно было сбыться. Уже на пороге ее встретила кипящая желчью и язвительностью мать.

– Ну, что там покойничек отписал в завещании?

– Мама, пожалуйста, прекрати, – взмолилась Анна, устало, садясь на край шкафа в прихожей.

– А что я такого сказала? – возмутилась она. – За чей счет похороны пройдут, а? За твой?! Тогда я думаю, ты никогда не будешь иметь своей квартиры, вечно у меня будешь обитать!!!

– Мама, я прошу тебя!

– Ты меня уже 28 лет просишь. Квартиру бабки профукали, теперь и мою хочешь?

Аня закрыла лицо руками. Господи! – в который раз за сегодня, она уже не помнит, снова обратилась к Всевышнему, – когда же я смогу спокойно жить, когда с меня никто не будет ничего требовать. И так далее и в том же духе, ее мысли лавиной неслись в голове, под возмущенные крики матери о ее бездарном бывшем муже, и неизвестно когда бы это закончилось, если бы не звонок в дверь и оживленные детские голоса за ней. Ксюша и Кристина вернулись домой с прогулки.

Все же нормы морали и этики в ее матери еще были живы. При внучках она старалась не показывать себя истеричной склочной бабушкой. Раисе Николаевне было всего лишь 48 лет. В этом возрасте выглядеть занудной бабулей? Увольте! Это не ее ипостась. С девочками она всегда общалась, как с подружками.

– Ой, мои красавицы, пришли, – просияла она в одно мгновение.

Пока мать занималась детьми, Аня обзвонила похоронные бюро, чтобы узнать, где самые низкие расценки. Выяснив, она поехала туда, чтобы оплатить ритуальные услуги, иначе сотрудники бюро не начинали работать.

Вернулась Анна только к десяти вечера. Мать встретила ее на пороге.

– Ты где шляешься? – свистящим шепотом спросила она. – Девочки уже спят. Да, я не стала им говорить про их не путевого папашу, – застегнув босоножки и взглянув напоследок на себя в зеркало, проговорила Раиса Николаевна, – думаю и не стоит. Зачем травмировать их нежные сердечки.

– Спасибо, мама, – признательно проговорила Аня.

Спустя сорок минут она с удовлетворением вытянулась рядом с Ксюшей. Тело всеми косточками отозвалось приятной истомой. Анна блаженно закрыла глаза и провалилась в сон.

– Какая ты красивая Анечка, – с благоговением прошептал Никита и нежно провел ладонью по ее руке.

– Что ты тут делаешь? – возмущенно воскликнула она.

Но Никита лишь мягко улыбнулся в ответ. Оттолкнув его руку, Аня привстала с постели.

– Что ты тут сидишь и улыбаешься? Тебе снова деньги нужны?

– Нет, Анечка. Я здесь, чтобы заботиться о тебе и девочках, – спокойно сказал он и протянул к ней руки.

– Нет, только не это, – закричала Аня, – я знаю, как ты помогаешь. Уйди, уйди, я тебя ненавижу.

Она попыталась оттолкнуть его руки, но почему-то он сидел как приклеенный, а у нее катастрофически не хватало сил. Тут за плечо ее начали трясти. Она яростно пыталась скинуть трясущую ее руку, продолжая сталкивать с дивана мужа.

– Мапочка, мамочка, проснись, – донесся до нее умоляющий голос дочери.

– А! – с криком очнулась Аня.

Затравленным взглядом она обвела комнату. Рядом с ней, прижавшись спиной к стене со страхом в глазах, сидела Ксюша, но Никиты нигде не было.

– А где папа?

– Папа? – удивилась дочь.

Тут наконец-то до Ани дошло. Сон. Опять этот проклятый сон. Никиты не было здесь, и не может быть. Он ведь умер. Почему она не сказала ему об этом во сне? Но почему он снова ей приснился? Весь любезный такой до тошноты. Нельзя верить ни одному его слову. Он всегда врал и предавал.

– Мама, – раздался шепот Ксении, – я хочу спать.

– Ой, – спохватилась Аня, – а чего же ты сидишь. Ложись, – похлопала она рядом с собой по постели, улегшись вперед дочери.

Прижав к себе хрупкое нежное тело дочери, она немного успокоилась. Но мысли в голове шли вразброд. К чему снятся покойники? Снам Аня никогда не придавала значение. Крышу снесет, если им верить. Порой такие кошмары по ночам одолевают. Так что и в жизни что ли такое должно приключиться? Это Наташка вечно со снами возится. У нее если покупка во сне, так наяву деньги в руки плывут. Если вниз по лестнице пойдешь, то одни растраты в реальном мире. Сколько раз во время обеда она доставала Аню пересказом своих сновидений. Такой бред порой несла, хоть уши затыкай. Но на этом еще не все. Наташа ожидала перемен в жизни после всей увиденной чепухи. А ведь и дожидалась! Говорила ли она что-нибудь про увиденных покойников? Нет, Аня не припомнит такого случая. А про мужей? Покойных, надо обязательно добавить. Теперь Никита с этим словом слился нераздельно.

Размышляя, Аня закрыла глаза и тут же в страхе открыла. Надо же, ведь как наяву все было. Никита сидел рядом с ней на диване, а оказалось – это всего лишь сон. Осторожно отодвинув от себя дочь, Аня потянулась за сотовым телефоном. Почти пять утра. Если уснуть сейчас, приснится ей Никита снова или нет? Как же он ее напрягает своим появлением во сне. Кто там из великих сказал, что покой нам только снится? Увы, Ане и этого не дано. Во сне, как на войне. А тут еще и на работу надо с утра съездить, отпроситься на похороны. Поминки где-то устраивать. В столовой дорого. Дома организовать? Мама, как пить дать воспротивиться. Нужны ей эти хлопоты, как зонтик рыбе.

Мысли текли рекой, накатывали волна за волной, и незаметно для себя Анна заснула и проснулась только под будильник.

Взгляд Инессы Владимировны переключался с распечатанного заявления на Аню. Лишенные какого-либо чувства прозрачные голубые глаза остановились на ее лице. Повисло недолгое молчание, которое Аня прервать не смела, и за это время, о чем только не передумала. В первую очередь, чем же снова не угодила начальнице. Кредит не тому выдала, или наоборот не дала. Но оказалось все намного проще.

– Голубушка, так Вы же не замужем, а просите два дня на похороны мужа.

– А..Э... – растерялась Аня. Все доводы необходимости ее присутствия на похоронах, а тем паче и их организации, утонули где-то в глубине желудка.

Прошло минуты две или больше, прежде чем она смогла аргументировать заявление, да и то коротким предложением. В пустых глазах Инессы Владимировны появилась железобетонная тяжесть.

– Но кроме меня, его некому хоронить, – пролепетала Аня, оправдываясь. Недовольство начальства сотрудником в нынешнее кризисное время могло вылиться и в увольнение.

– Вот оно как. Ну, попрощаться с ним Вы сможете и вне рабочее время.

Промелькнула еле заметная ухмылка на некрасивом лице, и тонкие губы, как-будто и не было никакого заявления и вообще разговора, прошелестели:

– Будьте повнимательнее в работе клиентами. Оформляйте документы тщательно, чтобы «сэбовцы» всю их подноготную могли в кратчайший срок вычислить. Идите, занимайтесь.

Слово «удивление» не смогло бы выразить полноту чувств, нахлынувших на Анну. Забурлило недоумение, негодование, гнев залил краской лицо, так что она почувствовала как жаром полыхнули щеки, и только трезвое решение, выбор между этическими нормами и работой, в пользу последней, заставил ее чудом сдержаться, рвавшийся из души надсадный крик: «Вы не человек, а чудовище!».

Ее суждение как вспыхнуло, так и погасло, залилось капельками слез, вытекших из уголков глаз. Какой сволочью бы не был ее бывший муж, похоронить его все же надо было по-человечески. Вся злость, за его беспутства, копившаяся годами, мгновенно переключалась на Инессу Владимировну. Но показать ее, значит, навредить себе и Аня, хоть и с трудом поднялась со стула, ответила на выданные указания, ничем не выдав захлестывающих ее эмоций.

– Да, конечно, Инесса Владимировна.

Ее сдержанному тону и бесстрастному выражению лица в тот момент мог бы позавидовать профессионал-дипломат или разведчик.

Силы покинули ее возле рабочего стола, и она просто кулем свалилась на стул. Ей в страшном сне не мог присниться такой отказ. Не отпустить служащего на похороны близких, это просто абсурд. Наташа вопросительно взглянула на нее, поверх головы клиента. Аня покачала головой и, схватив первый попавший лист лежащий на столе, сделал вид, что читает.

– Извините, я отойду на минутку, – сказала, поднимаясь, Наташа, и через пару секунд стояла возле Ани. – В чем дело подруга, тебя премии лишили? – шутливо прошептала она, склоняясь к ней.

– Хуже, – глотая слезы, пробормотала Аня. – Старуха не дала мне дни на похороны.

– Что? Как это? – возмущение заставило ее повысить голос.

– Он же мне не муж, просто заявила она, и посоветовала внимательнее работать с клиентами.

Подруга потеряла дар речи, услышав это.

– Как, как это? Но как это? А при чем тут они? Вот стерва старая.

– Простите, а вот здесь, что именно надо писать? – окликнул ее клиент и, бросив на подругу, сожалеющий взгляд, Наташа пошла к нему.

В обеденный перерыв Анна позвонила в похоронное бюро.

– А кремацию можно заказать? – с трудом спросила она. Сердце и разум были за традиционный способ похорон. Но обстоятельства были выше их пожеланий. – А в вечернее время можно это сделать? Часов в семь? Вот как. Да, – и отключилась.

– Ну? – вопросительно взглянула на нее Наталья.

– Любой каприз за Ваши деньги, – озвучила коротко Аня телефонный разговор. – Проще, говоря, еще пара тысяч и только пепел останется от Никиты. Господи, что я говорю! – Слезы брызнули из глаз. – Какая я дрянь! Разве можно так о покойнике? Или я такой всегда была, а?

– Да, и что еще у нас в глубине души можно откопать, даже сам Бог не знает, – рассудила философски Наталья, – да не убивайся ты так, – следом возмущенно воскликнула она. – Какая разница, как он будет похоронен, ему теперь без разницы? Главное это сделать.

– Тяжело тебе теперь придется, – проведя нежно рукой по волосам Ани, прошептал Никита. – Но ничего, с моей помощью ты все трудности преодолеешь.

Анна возмутилась и хотела скинуть руку бывшего мужа, мотнув головой, но не тут было. Казалось, его рука прилипла к ее голове. Она сдала еще одну попытку, теперь своей рукой и снова незадача. Ее рука вообще не поднималась. Ужас обуял Аню. Она не могла пошевелить

ни одним членом своего тела. Животный страх поднялся в ней волной. Что такое с ней? Стал звучать набат, все громче и громче. Страх и ужас соединившись в единое, как будто пригвоздили ее к постели. Слова Никиты посреди всего этого звучали, как шипение змеи.

– Я буду любить тебя и оберегать. Ты теперь, ни за что не беспокойся. Все твои проблемы это мои. Вот только одна просьба, пожалуйста, не кремируй меня, – все, также поглаживая, попросил он. – И не получается придти на похороны, ничего страшного. Не приходи. В я буду всегда твоей душе.

– Нет, нет!!!– заорала Аня и проснулась.

– Ее всю трясло, колотило. Будильник сотового истошно звучал. – Ксюша с расширенными от ужаса глазами, сжавшись у стены, смотрела на нее.

Глава 4. Кирилл

Кирилл вернулся домой в девятом часу вечера. Аллы дома не было. Он позвонил ей на мобильный. Трубку долго не брали, а потом, судя по веселому развязному тону жены, грохоту музыки и громким голосам, сопутствующим их разговору, определил, что она находится на вечеринке и хорошо поддатая.

– Дорогой, приду поздно. Мы справляем день рождения Виолы. Пока, – и не дожидаясь его ответа, Алла отключила телефон.

– Пока, – хмыкнул Кирилл, в пикнувшую сигналом отключения трубку.

«И мне не мешает принять, – промелькнуло в голове. – Здравая мысль, – похвалил он себя». Достал из бара виски и бокал. Налил на два пальца, выпил. Умиротворение не пришло, а тянущая боль в руке не прошла. Налил еще. Выпил. Тот же эффект. Что-то не давало ему расслабиться. Какая-то тревога не отпускала его. Но что именно его волновало, он не мог понять. Держа в руке пустой бокал, Кирилл сел на диван, включил телевизор. Сериал на одном канале, на другом, на третьем хроники милицейских будней, дальше американский фильм со стрельбой, еще далее – шоу из жизни звезд. Выключил телевизор. По принципу не вижу, не слышу, на душе стало спокойнее. Под ложечкой засосало. Алкоголь требовал пищи. Но в холодильнике, кроме бананов и йогурта ничего не было. «Жена есть, есть нечего». Кирилл позвонил знакомому ресторатору, попросил доставку на дом хорошей отбивной и гарнира к нему. В ожидании еды отправился в душ. Небольшое блаженство, несмотря на голодный желудок, он испытал, стоя под водой. Наслаждение за поглощением пищи тоже посетило его. Но как только, он лег в кровать, беспокойство вновь подступило. Кирилл начал перебирать в голове, какие на данный момент существуют проблемы. Все они были разрешимы. Что, что??? И тут его осенило.

«Есть размышления по поводу нападения?..... А ты не думаешь, что это был заказ?»

Вот оно. Днем об этом ему некогда было думать. А сейчас времени отбавляй. Стоит ли заражаться сомнениями Коли? Задуматься ли усиленно над вопросом участкового? Сон не шел. Он начал перечислять кому выгодна его смерть. Но выходило так, что кому выгодна, те не знали, что он пройдет пешком. В принципе, могли и следить. А за забор бандитам перемахнуть плевое дело.

Был час ночи, когда Кирилл решил выпить снотворное, предложенное любезной медсестрой и проявившей больше озабоченности, чем жена. Спустя 15 минут блаженный сон ослабил все мышцы, а гнетущие думы растаяли, как весенний снег.

Этим утром Кирилл, заметно посвежевший в сравнении с прошлым, перед уходом на работу, вспомнил о просьбе участкового. Алла спала без задних ног, разметав длинные светлые волосы. Тушь вокруг глаз осыпалась, тональный крем скопился в морщинках вокруг рта, помада размазана не только на губах, но и на подушке. «В каком же состоянии она прибыла и во сколько, что не было сил даже снять макияж?» Ко всему этому еще примешивался стойкий специфический запах, струящийся вокруг и говорящий, что человек накануне хорошо употребил спиртное. Натюрморт, как сказала бы Любка из одноименного фильма, был не из приятных.

– Алла! – тихонько окликнул ее Кирилл. Никакой реакции. – Алла! – снова ноль. – Алла! – уже громко и потеревив ее за плечо, позвал он.

– А, что? Отстань, – закутываясь в покрывало, пробормотала она.

Видя, что жену так просто не оторвать от кровати, Кирилл решил ее встряхнуть методом шоковой терапии.

– В десять придет участковый, расскажешь, что позапрошлым вечером произошло возле дома.

– Что? – прозвучал более ясный голос с тревогой. Полицию она, как и Кирилл, стоически не переваривала.

– Участковый хочет с тобой поговорить. В десять будь готова, – уже на пороге спальни договорил Кирилл.

– Стой! О чем мне с ним говорить! – закутавшись в покрывало, догнала его Алла. – Не хочу я с ним разговаривать! Одни воспоминания, как они схватили меня, ввергают в ужас, а тут я должна снова и снова повторять одно и то же. Ведь ты уже, наверно, все ему описал подробно, что случилось, к чему еще мои слова?

Сказать, что Алла говорила это возмущенно, это было бы неправдой. Эпитет этот был слаб для описания ее состояния. Да еще этот непрезентабельный вид.

– Я никуда не пойду и ничего не буду говорить, я имею на это право!

– Ну, прав-то у тебя хоть отбавляй, – не удержался от едкого комментария Кирилл, потому как этот спектакль о нежной и ранимой душе, порядком надоел, а точнее раздражал не на шутку. Так что и сам он готов был начать кричать.

– Ах, вот как! Что ты хочешь сказать, что у тебя только обязанности, что ты трудишься, не покладая рук, а я только и знаю, что проматываю твои деньги? А что мне еще остается делать? Когда ты в последний раз обращал на меня просто так внимание? Ты же видишь меня только тогда, когда желаешь заняться сексом или из-за необходимости совместного посещения корпоративки, или обеда с нужными клиентами. Когда, я спрашиваю?! Ну, вот скажи, когда?

Слезы потекли из ее глаз, без того усиливая ее неприглядный облик.

– Ты мелочный, эгоистичный ублюдок! Ведь через месяц после свадьбы ты перестал замечать меня!...

Она говорила, говорила, перемежая слова со слезами и красивые черты лица Аллы, все больше искажались обидой, злостью. "А губы-то как плюшки", – не смог удержаться от ерничества Кирилл. Но в целом понимал, что слова жены актуальны.

«А ведь она права! Я вспоминаю о ней только, когда возникает необходимость в ее присутствии. Конечно, как иначе она должна чувствовать себя. Она же не степфордская жена! Было, было все иначе! Я ухаживал за ней, назначал свидания! Вот только замуж ей выйти за себя предложил не из-за безысходности и одиночества, или как там, любви! По статусу положено! Необходимость еще эта! Вот черт!!! Необходимость в чем? В наследниках? Постоянного безпроблемного секса? Показа красивой женщины рядом?»

– Я приду сегодня в седьмом часу, давай поужинаем вместе, – сказал он вслух, хотя его внутри терзали всякие сомнения по поводу здравомысленности предложения им руки и сердца пять лет назад. – Ты сама пригостишь ужин или мне заказать? Какое меню тебя устроит?

«А что неплохо сказано, – испытал удовольствие от собственного благородства Кирилл, – глядишь, за ужином и о ребенке договорятся, и затем плавно перейдут к действиям».

Словесное извержение Аллы резко прекратилось. Рот приоткрылся, глаза округлились.

– Ты что это серьезно? – спросила она с придыханием, сверля его недоуменным взглядом.

И не было понятно, отчего ей перехватило дыхание. От чувства победы или предложения, высказанного спокойным, а в какой-то мере и пренебрежительным тоном.

– Ты..Ты... – увеличенные губки ее затряслись.

Теперь стало ясно, последнее.

– Ты....

Кирилл подумал, как бы она не задохнулась от скопившейся в ней ненависти. И тут произошла чудесная метаморфоза. В одно мгновение. Такое ощущение, что не было никакого скандала.

– Ты... закажи! – и улыбка на сто карат. – Все на твое усмотрение. Пусть доставят к шести. К твоему приходу я успею накрыть стол.

– Спасибо, – отреагировал Кирилл, потянулся к ее щеке, по которой тянулись темные следы туши, и поцеловал.

Алла вскинула руки, покрывало упало на пол, обняла мужа за шею.

– Извини. Что-то на меня нашло. Наверно это из-за того нападения, – прошептала она.

– Все возможно, – согласился он, нежно поглаживая ее голые плечи. – До вечера, дорогая. – Кирилл дотронулся до ее лба губами, отстранился. Поглядел на заплаканные глаза, улыбнулся. – Все будет хорошо. Время пройдет, и мы забудем это как дурной сон. А теперь иди поспи, отдохни.

– Как же участковый? – в замешательстве от услышанного, спросила Алла.

– Я решу этот вопрос.

Спускаясь в лифте, Кирилл не стал откладывать в ящик свое обещание и позвонил Казанцеву. Последний услышав, что Алла Александровна не в состоянии общаться с представителями власти ни сегодня, ни завтра, что-то пробурчал невразумительное, ясно сказано было только:

– Все понятно.

Запищавшие гудки отбоя не очень-то разочаровали Кирилла, напротив, он был рад, что так быстро закончился разговор с властью облеченным. Садясь в машину, он вдруг припомнил странное поведение Аллы. С чего она вдруг ушла от продолжения скандала? Или девочка выросла (девочке 35 лет!) и научилась идти на компромисс? А может? Что может?... Звонок сотового, заставил его отвлечься от долгих раздумий на тему «Жена» и погрузиться в решение рабочих вопросов.

День выдался суматошный, обсуждения, планирования, указы, приказы, встречи. Только, когда Катя произнесла по внутренней связи в пять часов вечера: «Кирилл Сергеевич, Вы просили спросить в это время, делали ли Вы заказ в ресторане еды с доставкой на дом», – Кирилл вспомнил о назначенном ужине и желании улучшить отношения с женой.

– Вот, черт! – прокомментировал он, свою забывчивость. «Насколько дорога ему его жена, настолько сильна и память о ней», – усмехнулся он мысленно. – Катюша, закажи, пожалуйста, блюда на ужин, что тебе по вкусу было бы. Какой ресторан я предпочитаю, ты знаешь. Сообщишь, как все сделаешь.

Через 10 минут Катя снова вышла на связь.

– Все, Кирилл Сергеевич, сказали, что через полчаса все будет у Вас дома.

– Спасибо, Катя. В шесть мне скажи, что пора домой.

В шесть часов не только Катя, но и жена позвонила на сотовый.

– Ты где?

– Выезжаю, – приврал он.

– Хорошо. У меня все готово.

Тон ее был благожелательный и нежный, «так что даже режет слух. Что это со мной, – удивился Кирилл сам себе и своим мыслям, – как занудливая бабка размышляю? Ведь только сегодня утром я думал о продолжении рода с этой женщиной, а теперь даже просто поужинать насильно себя заставляю».

Алла была на высоте с нарядом, с макияжем. И с нежностью. Почему-то Кириллу в голову пришло сравнение – до неприятного. Нежность ненастоящая. Возможно, случись это ранее, хотя бы двумя днями, Кирилл бы и растаял от одного только ее вида. И завалил бы жену, в прямом смысле, на диван перед накрытым столом, а не уселся бы, как сейчас с какой-то тоской на душе. Откуда взялась она, это тоска, сам не мог понять. Чувства, сантименты – это, ведь, не для него.

Жена щебетала. Но о чем, Кирилл не мог уловить смысл. Речь шла мимо, а он просто тупо накладывал на тарелку еду и жевал. Сказать, что мысли одолевали? Увы. И он понял, что

не хочется никакого секса с Аллой. Но самое главное, ребенка. От этой женщины. Именно так, не от жены, а от женщины.

– Кирилл, Кирилл!!!

Ворвался в мысли возмущенный голос жены.

– Да, – посмотрел на нее Кирилл.

– Я кому все это рассказываю!?

– А что ты рассказываешь?

– Что? – взвилась Алла. И задыхаясь, с криком стала выговаривать, – Как ты можешь???

Я тут распинаюсь для него, а он даже и слова в ответ не произнес!!!!

– Извини.... – начал оправдываться Кирилл.

– Извини!? Да пошел ты! – швырнула вилку со звоном на тарелку Алла, и выскочив из-за стола, понеслась в спальню. – Урод, – кинула она, захлопывая дверь.

Кирилл приподнял тарелку со стола, и доедая, взглянул, чем же он питался на ужин. Это было яйцо фаршированное зеленью. Обалдеть, полный улет. Кирилл собрал в кучу мозги. Тоска прошла. Воспоминание, что он поручил Кате заказать в ресторане на ее вкус блюда, повергли его в хохот. Он не ел такое, потому как жена вообще не переносила на дух яйца. И быть при этом нежной? Что же с ней произошло? А что с ним произошло? И тут тоска снова навалилась на Кирилла. Он поставил тарелку на стол, привалился с спинке дивана, закрыл глаза.

Ночью снова разболелась ладонь. Открыв глаза, Кирилл несколько секунд вспоминал где он и почему. Рану нещадно жгло. От невероятной тишины и темноты в квартире, боль становилось еще сильнее. Часы показывали 02.35.

– Алла!

Тишина.

–Алла!

Кирилл пошел в ванную. Открыл шкафчик с медикаментами, нашел перекись водорода, зеленку. Сорвал повязку и залил полфлаконом перекиси рану. Защищало, зашипело. Полегчало. Теперь зеленку. С ней такой же номер.

– Цирк уехал, клоуны остались, – только и смог пробормотать он, увидев, как рука окрасилась в зеленый цвет.

Но зато полегчало капитально. Нашел бинт, кое-как замотал руку, чтобы не замарать ею все вокруг.

Левой рукой ополоснул лицо, почистил зубы и направился спать в спальню. Алла отсутствовала. Падая на кровать, Кирилл заметил, что его мало взволновал сей факт.

Проснулся Кирилл от шума в квартире. Заявилась Алла. Часы мобильного показывали 4 утра. "Отличная жизнь", – констатировал он, и закрыл глаза. Но уснуть не удалось. Роняя сумку, вещи, Алла вошла в спальню и плашмя упала на кровать. Вздохнула тяжело, икнула и засопела. "Охренеть, классная жизнь, – повторился, уже окончательно проснувшись, Кирилл.

"Если я и дальше буду молчать, похоже у меня жена превратится в пьяницу, мотовка из нее уже есть", – резюмировал он с беспокойством. Вместо того, чтобы вести здоровый образ жизни и пытаться забеременеть, Алла все больше пускается во все тяжкие. С кем она гуляет? Я даже понятия не имею, кто у нее друзья, подруги. Хотя, разве у богатых есть друзья. Но так недолго и семья разрушится. Один пропадает на работе, другая в кабаках. "А семья ли, мы? – засомневался Кирилл. 5 лет вместе, а связывают только деньги".

С такими мыслями и ворочаясь, пытаюсь вернуться от запаха перегара жены, Кирилл все же уснул.

Утром Кирилл собрался на работу, как шпион. Быстро и беззвучно. С женой общаться не было никакого желания.

Алла позвонила в обед.

– Милый, – томно протянула она, после приветствия, как будто вчера и не ругалась с ним. – Я хочу съездить на Кипр.

Кирилл в удивлении молчал. Мысли, как ливень обрушились на него.

Жена у него только с запросами. Зачем он, вообще, женился?

– Милый, ты здесь, – услышал он, и представил, как Алла их произносит. Увеличенными губами. Тьфу ты, эти накачанные губы, так покоя ему не дают.

"Так, зачем ты женился на этой гламурной фифе, Кирилл?" – задал он себе вопрос.

– Кирилл, ты слышишь меня?! – зазвучал в ушах уже возмущенный голос Аллы. – Не хочешь разговаривать, и фиг с тобой. Я с Виолой поеду на Кипр.

– Лети, – вдруг вырвалось у Кирилла.

– Ну и отлично, – ответила Алла и отключилась.

"Уф,– подумал Кирилл, – а для меня-то, вообще великолепно. Для Аллы отдых – это на Кипре, а у меня – без нее уже отдых. Спокойно, теперь, могу работать над новым каталогом ювелирных изделий, не думая, что мне надо нестись домой и ублажать жену".

Кирилл с юности уже знал о ювелирном деле многое. Его мама в годы СССР была директором ювелирного магазина. С ней он начинал изучать ювелирные изделия. Нет, Кирилл, конечно, сам не ваял произведения ювелирного искусства, он в них разбирался и оценивал. Вот только жену оценить не смог, вырвалось у него. Вместо бриллианта приобрел, в прямом смысле, фианит.

Глава 5. Анна

– Боже, – простонала Анна, закрыв лицо руками, – когда это закончится?
– Мам, – раздался голос дочери, больше напоминавший скуление побитого щенка.
– О, моя малышка, – прижала она дочь к себе, сколько не ее успокаивая, а себя. Оно так и вышло. Тепло тела ребенка внесло в ее душу ощущение покоя. Но только ощущение.

«Что со мной не так? Почему он мне снится? Может у меня с головой не в порядке? Я чувствую себя виноватой за его смерть. Раз он мне снится, значит, моя вина точно есть. Ведь сон выдает подсознание», – крепко сжимая в своих объятиях Ксюшу, размышляла Аня.

– Наверно мне надо сходить в церковь, свечку поставить за него, – задумчиво глядя в окно кафе во время обеда, закончила она свой грустный рассказ, прерываемый возгласами подруги, типа: «Ну, ничего себе!».

– Точно, ты вот еще что! Закажи отпевание, – с чувством посоветовала Наталья, – это теперь модно тоже говорят.

– Тьфу на тебя, – чертыхнулась Аня, – какая мода? Мне бы отвязаться от него. Чтобы духу его не было по ночам. Я уже засыпать боюсь. Ксюша бедная скоро заикой станет.

– Вот, вот, его душа, как неприкаянная бродит вокруг тебя, поэтому... – шаманским голосом начала изрекать Наталья.

– Замолчи, – замахнулась на нее Анна, – без твоих пророчеств тошно.

– Какие пророчества?! До 40 дней душа человека в этом мире...

– А, а, прекрати. Ты что хочешь сказать, он в течение 40 дней будет мне снится?!

– Ну, ведь это всем известно, что покойники...

– Все хватит! – зажала уши она. Потом схватила вилку и выставила вперед, – замолчи, не то я тебя сейчас просто убью, и вместо одних похорон будут две!!!

Смех Натальи заставил людей за соседними столиками оглянуться на них с интересом. Наталья была прекрасна, но только не Аня, замученная сном.

– Точно, сходи в церковь и за свое здоровье свечку поставь, – посоветовала Наталья. А то психушкой попахивает, – подмигнула она.

На похоронах Никиты главной персоной была Раиса Николаевна. Да, больше никого не было. Жены нет, друзей нет, а с родней не общался. Последние, вряд ли, вообще были. Сказать, что она упивалась вниманием к себе, то просто ничего не сказать. Раиса Николаевна работала бухгалтером в крупной торговой компании. Цену она себе знала. Вот теперь, одетая в черное приталенное платье, с отличной сохранившейся фигурой, в шляпке с вуалью, она была женственным воплощением скорби. И вся на виду. Гроб, похоронная команда и она!!! Со стороны хоть картину маслом пиши и распродастся мгновенно. Но всю эту идиллию на кладбище подпортил некий гражданин, напоминавший своим видом Терминатора.

– Анна Васильевна? – рыкнул он.

– Что? – слегка выйдя из эйфории, томно сказала Раиса Николаевна.

– Я спрашиваю, Вы жена этого прохвоста, лежащего в гробу?

– Что Вы себе позволяете? – не совсем еще выйдя из роли, воскликнула возмущенно она.

– А то себе позволяю, дорогая, – прижав ее локоть к себе напористо заявила «машина для убийства», как уже мысленно окрестила его Раиса Николаевна, – говори со мной по хорошему, и тебе ничего не будет.

– Что вам надо от меня? – взвизгнула уже на смерть напуганная, и окончательно пришедшая в себя женщина.

– Должок твоего мужа, – услышала она, сопровождавшийся гаденькой улыбкой на таком же лице, – отдай и ты свободна, – и он дернул ее так на себя, что бедная Раиса Николаевна впечаталась лицом в грудь бандита.

Шляпка и вуаль сбились набок, а помада размазалась по стильной футболке. Карие глаза, с жестоким прищуром, вперились взглядом в ее голубые.

В голове быстро все защелкало, не упуская страшных картин жизни с внучками, и мозг выдал единственный на тот момент правильный ответ. Не говорить, что Терминатор ошибается. Это может разозлить его. Ошибок они не любят совершать. Сказать, что из-за того что Никита давно в разводе, пришлось ей, старой подруге его покойной матери, взять на себя похороны. И она знать не знает, куда девалась его бывшая жена.

Активная мыслительная деятельность гориллы на торопливую речь выразилась гримасой недовольства на его лице.

– И ты, что, старая, – теперь разглядев ее без вуали, – хочешь сказать, что за его долги никто не будет держать ответ?

Молчание золото, в нужных ситуациях поговорка приходила на ум Раисе Николаевне, и она сдержала язык за зубами. Пусть он и оскорбил эпитетом не по ее возрасту. Какая же она старая? Всего 48 лет. Молча, с сожалением в глазах, похлопала накрашенными ресницами. За что была награждена тем, что рывком избавлена от крепких объятий молодого человека. Не больно–то в них и нуждалась, поправляя шляпку, платье, хмыкнула про себя она.

– Вот черт, нафиг я подписался на эту байду, – тупо глядя, как в могилу опускают гроб, промышчал он. – Жена.. и та бывшая, это не статья. Вот, блин!

Здоровая крепкая спина мужчины заставила перехватить дыхание Раисы Николаевны. Но не от восторга за физическую мощь. Господи, неужели ушел?! Какое счастье! Какое счастье, что Анна не пошла на похороны! Виват старой мымре, не отпустившей ее!

Пересказ Раисы Николаевны был более приукрашенным от реальной действительности. Она чувствовала себя героиней почти что триллера, да что там – боевика.

– Все, мама, хватит. Спасибо за то, что была на похоронах, – прервала ее Анна. В противном случае до самой ночи придется слушать о героическом поступке – спасение жизни дочери.

Но если дочь не была благодарным слушателем, то Наталья, еще какая! Она-то и не давала возможности замолчать женщине. Задавая и задавая вопросы о происшедшем, так что Раиса Николаевна вошла в такой раж, и теперь невозможно было отличить, где правда, а где вымысел.

– Наталья, угомонись. Все же поминки, а не вечер встречи! – призвала к здравомыслию подруга.

Одно поняла Анна под утро, никакие похороны и чинные поминки не помогли оставить ее в покое бывшим, ныне покойным мужем. Как и раньше, он говорил ей во сне теплые нежные слова, глядя ее руки ледяными пальцами. До паранойи Анне оставалось пару шагов.

Рабочий день казался бесконечным, клиенты ужасными. Ходят и ходят тут, а еще и права качают. Что же вы такие, если умные – небогатые, ходите с протянутой рукой? А сама ты, не протягиваешь ли руки, ожидая помощи, чтобы избавиться от преследующего ее покойного мужа... Нет, еще немного Аня протянет ноги. Надо бежать в церковь, пока они не отказали.

В церкви было полупустынно. Вечерняя служба закончилась. Шаги гулко отпечатывались под величественным сводом с грустными ликами святых. Свечи в подсвечниках красиво горели, вызывая спокойствие.

– Мне бы свечку поставить за упокой, – заглянув в оконце кассирши, проговорила Аня.

– Какую именно хотите? – кивнула женщина на ряд выставленных на продажу свечей.

– Самую толстую. Три штуки дайте.

– Голову покройте, – посоветовали ей после расчета. – В церкви женщинам с непокрытой головой нельзя быть.

У Ани на голову ничего не было. Кассирша подала дежурный шарфик, со вздохом:

– Вот, молодежь пошла. Не забудьте вернуть.

«Что ты такими толстыми свечами пытаешься замолить? – подойдя к столу, где ставят об упокой, спросила себя Аня. На стене была написана молитва, надо было только вставлять в нее

имена рабов божьих. Она зажгла свечу и, долго читая, проговаривала слова молитвы. Когда у нее наконец вышло складно, перекрестилась.

Потом прошла к стенду, где был нарисован распятый на кресте Иисус Христос.

"Неоказание помощи ближнему – это же тоже грех? – размышляла Аня, зажигая и перед ним свечу. – Ведь итогом стало убийство? Можно ли мне замолить молитвами содеянное? Человека не вернешь. Мне-то хоть помогут? Прости, Господи, все мои прегрешения».

Третью свечу она поставила перед иконой Святой Богородицы. Молитвы Анна не одну не знала, внутренне шепча, своими словами она попросила о помощи, об избавлении ее от видений мужа, здоровье ей, особенно на голову, так и хотелось сказать.

После церкви на нее снизошло какое-то умиротворение. Домой она ехала без присутствия в ней того напряжения, что угнетало со дня смерти мужа, так что даже задремала в маршрутке и чуть не пропустила свою остановку.

Раиса Николаевна узнав, где пропадала ее дочь, только ухмыльнулась, прокомментировав: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Анна промолчала, не то, что сориться и ругаться, даже говорить не хотелось. Она поужинала, искупала Карину, и когда легла спать, безмятежно провалилась в сон.

– Анечка, Анечка, – ласково шептал Никита, и начал гладить ее по руке – ты накопила деньги на квартиру?

– Тебе снова нужны деньги, – возмутилась Анна. – Не дам я тебе ничего, нет у меня денег, – и скинула его руки со своих.

– Мама, мама, – раздался плач Ксении.

И Аня открыла глаза.

Господи, опять сон, вглядываясь в темноту и слыша надрывный плач дочери.

– Ты, опять меня стукнула. Зачем?

– Прости, прости, – зашептала Анна, притягивая ее к себе. – Это все сон.

– Мама, мама, – продолжала плакать Ксения, – я боюсь с тобой спать.

"Господи, – простонала про себя Анна, глядя дочь по спине, – я сама себя уже боюсь. Ладно, один раз приснится, ну два раза, но каждый день, на протяжении недели, это уже перебор. И свечи не помогли. Господи, помоги мне избавиться от сна этого, – перекрестилась Анна. – Хоть, одну молитву надо выучить. Крестик повесить. А может к гадалке сходить, ответит от меня этот сон. Но гадалок, я боюсь еще больше, чем снов. Если сон это мое подсознание, то гадалки могут посторонний элемент внести осознанно в мою судьбу. Нет, не пойду туда. Лучше еще раз в церковь. Молитвы попрошу у Батюшки от снов плохих. Я из церкви хоть с умиротворением вышла. Крестик повешу, как оберег, глядишь и уйдет дьявольское наваждение. Ну да, ведь игра в карты это от дьявола. Значит, надо только божественным пытаться противостоять эту сну".

Ксюша перестала плакать. Постепенно дыхание ее выровнялось и она засопела.

Анна уже боялась закрывать глаза. "Что делать? Что делать? Никита про деньги на квартиру спрашивал. Зачем ему это надо?" За такими мыслями у нее тоже закрылись глаза, и она снова погрузилось в сон.

– Мама, мама, вставай, – услышала Анна, и вскриком проснулась. – Что? Опять я?

Яркое солнце освещало комнату.

– Мы в садик опоздаем, – прыгала рядом с диваном Карина.

– Господи, ты меня зайкой сделаешь, – пробормотала Анна, – и уткнулась в подушку.

Спать, спать.

– Аня, ты, что работы хочешь лишиться? – раздался гневный окрик ее матери.

На работу Аня не вошла, а влетела. Уселась за стол и со страхом глянула на настенные часы. Без пяти минут девять.

Наташа вошла в офис ровно без одной минуты девять. Инесса Владимировна проводила ее взглядом до стола и посмотрела на часы. Наталья взглянула на нее победно, нажала на кнопку включения компьютера и подмигнула Ане.

В обед, не тратя время на разговоры, подружки быстро добрались до кафе. Только когда набрали еды и уселись за стол, они завели разговор.

– Видела утром лицо старухи, когда я пришла? – набив рот, проговорила Наталья.

– Мне, теперь не до нее. У меня у самой каждую ночь страшная сказка. Поседею скоро.

– Не поняла, – посмотрела пристально на нее подруга.

– Никита, Никита, моя страшная сказка. То он помогать мне будет, говорил, теперь снова про деньги начал спрашивать. Я не высыпаюсь, дочь боится спать со мной. Я и сама уже боюсь спать. Я скоро сойду с ума. Старухой буду я уже.

– Господи! Так не помогли свечки? – воскликнула Наталья. – Может у тебя с головой не в порядке? – пристально глядя на Анну, сказала она.

– Что?? – остолбенела та.

– Ну, так это же твой сон, твои мысли в твоей голове, – пояснила Наталья. – Может к психиатру, – сделала она задумчивое лицо.

– А может сразу в психушку? Ты, думаешь, что говоришь? – поджала губы Аня и со злостью уставилась на Наталью.

– Прости, я просто рассуждала. Ладно, прости. Забудь.

– Охренеть, слов нет. Добрая душа, психушкой помочь решила, – остановить Аню было невозможно.

– Все, успокойся, если бы не завела этот разговор, я бы в ответ ничего не говорила. Я, вообще, о другом хотела с тобой поговорить. Выручи нас с Костей. Нам в эти выходные надо съездить в Питер. Там встречаются его одноклассники. Ну, пожалуйста, – сложив ладошки, начала умолять Наталья. – Возьмешь девочек, и поживешь у нас два дня.

– Хорошо, – глотнув кофе, согласилась Анна. Почему бы не сменить обстановку. Да, и мать развеется без них.

– Спасибо, дорогая, – вскочила со стула Наталья и кинулась ее обнимать. – Прости еще раз.

С Натальей Пановой Аня познакомилась два года назад, когда устроилась в банк экономистом в кредитный отдел по работе с юриками, то есть, с юридическими лицами. Наталья уже тогда работала с физиками – физическими лицами. На должность с юриками ее не тянуло, хотя и зарплата была выше, и ответственности больше. Работала она от части, чтобы не сидеть дома. Муж ее работал начальником отдела ИТ в Главгосэкспертиза России. Достаток позволил бы ей бездельничать. Но салоны красоты, шопинг было не для нее. Наталье, хоть и на булавки, хотелось иметь свои средства. Да, и чтобы не деградировать, объяснила она Ане. На работу она приходила, как будто на светский прием. В первое время Аня, вечно забывающая даже губы подкрасить, стеснялась ее такую, как будто из салона красоты на работу пришла. Среднего роста, стройная, с длинными волосами пепельного оттенка, в стильной одежде, выглядящая в свои 32 года, только, на 25, она смотрелась за своим столом, как модель, заглянувшая к ним по ошибке. Клиенты так и думали порой, что она просто в ожидании сотрудника сидит в отделе. По ее виду можно было бы сказать, что она только себя любимую обожает, но Наталья была очень доброжелательная по отношению к ней. Аня, иногда думала, что если бы у нее все было хорошо, так как у Натальи – муж добропорядочный семьянин, послушные детки, то она тоже всегда была бы с улыбкой на лице.

Наталья, с мужем Константином и сыновьями, жила в шикарной 4 комнатной квартире в жилищном комплексе Дом в Сокольниках в пятнадцати минутах езды от дома матери Ани. Сыновья Натальи – Павел десяти лет, Илья одиннадцати – мальчишки-погодки выглядели, как двойняшки. Анна не впервые оставалась с ними. Ребята хлопот не доставляли. Всегда занятые

своими интересами, для них требовалась только еда и соблюдение режима дня. Вот ее девочки, им в подметки не годились. Всегда активные, за ними нужен был глаз да глаз в выходные дни. Успокаивало их только чтение вслух и рисование. Чтобы не разгромили бегомней квартиру Натальи, приходилось для них тащить с собой книги, краски, альбомы. С мальчиками у девочек дружба была фронтовая. Малявки против серьезных пацанов с переменным перемирием. Анна обычно выступала посредником в их боях, иначе соседи несмотря на хорошую шумоизоляцию, не выдержали бы и вызвали милицию.

В пятницу поздно вечером после активных действий обоих противников, соскучились ребята, Анна, которой – не раз пришлось вмешиваться в их сражение, как убитая, свалилась спать. Когда она открыла глаза, солнце было яркое. На кухне шли очередные баталии между мальчиками и девочками. Остро волновала противников проблема, кто ближе сядет к окну, там было прохладнее. Павел и Илья старались перекричать Карину с Ксенией. Стулья шаркали по полу, раздавался звон чашки на полу. Аня подскочила и, удивленная, стала озираться. Но удивление было не тому, что вытворяли дети, а то что она проспала всю ночь без сна и время уже 9 часов утра. Никита ей не снился.

Вся суббота ушла на мысли "почему", и поэтому Анна все дела делала на автомате. Но к вечеру начала ругать себя, что снится или не снится Никита, она все равно думает о нем. Избавилась, значит радуйся.

Вечером позвонила Наталья, сказала, что вернется в воскресенье после обеда. Поинтересовалась, живая ли она?

– А за детей, что не спросишь, – рассмеялась Аня.

– Что им сделается, – удивленно протянула Наталья. – Я смотрю ты в настроении.

– Да, представляешь, – возбужденно заговорила Аня, – мне этой ночью не снился Никита.

– Поздравляю, – воскликнула подруга. – Ну, слава Богу.

– Да, я тоже думаю, что свечки помогли, – светилась Аня.

Утром следующего дня ее снова разбудили голоса детей. Она открыла глаза, поводила ими в разные стороны. Господи, она снова проспала всю ночь без сна. Неужели наваждение прошло? Какое счастье!!! Ей перестал снится Никита!!! Церковь, точно, помогла.

Глава 6. Кирилл

10 дней без Аллы пролетели, как один день. Работа, несмотря на рану, приносила удовольствие. Продажи в магазинах были стабильными. Ювелирные фабрики радовали новыми изделиями. В интернет-магазине продажи увеличились.

Алла вернулась с Кипра в отличном настроении. Выглядела супер. Белые длинные волосы оттеняли южный загар ее лица, а белый сарафан на тонких бретелях – шоколадную шелковую кожу плеч.

Кирилл в честь ее приезда вечером устроил ужин. Сам заказал меню в ресторане, не забыл во время выехать с работы. Даже ее губы пирожки не раздражали его, вот что значит, отдохнул тоже. Рана на руке не болела, поэтому вечер прошел в непринужденной обстановке. Больше говорила Алла, рассказывала о своей поездке, демонстрируя загар и на длинных стройных ногах. Кирилл, время от времени вставлял реплики, но больше думал, как попасть в кровать. Давно не было секса. Что, что, а Алла была отличная партнерша в постели. После получаса разговора, с поеданием ужина, не удержался, полез обниматься. Алла, и в этот раз, не разочаровала. Обслужила по полной программе.

– Мне надо к матери съездить, навестить ее, – сказал он Алле, когда уже засыпали. – Рана затянулась, так что она ничего не заметит. Но завтра напряженный день, вернусь поздно домой. Послезавтра поеду. Так что, найди, чем заняться в эти дни.

– Хорошо, – улыбнулась Алла. – У меня тоже много дел. Надо с девочками встретиться, пообщаться. Узнать, что новенького в Москве произошло.

"Ну, да, – ухмыльнулся про себя Кирилл, – новенького. Кто с кем спать начал, кто кого бросил".

К матери Кирилл смог выбраться не раньше 9 вечера. Она жила на другом краю Москвы. Но обещал и надо ехать. Расстроится, если не приедешь, давно не виделись. Да и про бизнес, ей всегда интересно послушать. В свои 65 лет Антонина Андреевна все так же хотела быть в курсе дел компании. В офис не ездила, для этого у них были личные встречи с сыном.

До дома матери надо было добираться час с лишним от его офиса. По дороге, в наступившей темноте, решил остаться у нее заночевать. Володю сразу предупредил, чтобы забрал его утром, не позднее 7.30. Подъезжая к дому матери, пришлось остановиться. Въезд во двор перекрыла машина "Скорой помощи".

– Ладно, прогуляюсь, – сказал Кирилл, и, прихватив здоровой рукой портфель, пакет с гостинцами для матери, а раненной – букет цветов, вышел из машины.

Двор был почти безлюден. Добравшись до подъезда, поставил пакет с продуктами под ноги. Перехватил в большую руку портфель, чтобы с его заднего карманчика достать подъездные ключи, и услышал:

– Мужик, дай закурить.

Кирилл с удивлением оглянулся. Такая фраза, обычно, коронный пароль для гопников. И получил удар в лицо. Потекла кровь из носа. Он успел дать одному ответку, второй в это время ударил его по печени, а третий по колену. Кирилл рухнул на колени и упал головой на бетонный пол. Голова от удара зашумела. Он понял, что отключается. Успел услышать:

– Хватай, тащим его отсюда.

Он попытался воспротивиться, и получил новый удар в лицо и отключился.

Стон. Он услышал этот стон и с трудом почему-то открыл глаза. Взгляд выхватил красную стену в синий цвет, шерстяное одеяло на нем. Понял, что стон раздался из его груди. Попытался крикнуть:

– Эй! – Но рот не открывался.

Очень хотелось пить. Пошевелил ногами, руками. С трудом, но работают. Только тело почему-то все болит. Попытался осмыслить, где он находится. Это была большая комната, освещенная дневным светом, лившимся из окон. Потолок и полстены заштукатуренные и покрашенные в белый цвет. Сам он лежал на узкой кровати, панцирной. Очень чувствителен был пролежень на матрасе. Тут он услышал голоса людей, они входили в комнату, и Кирилл попытался сесть.

– Стой, стой. Нельзя тебе, – сказал ему мужской голос и надавил на плечи. – Димон, зови сестру, скажи, коматозник очнулся.

Глаза Кирилла широко распахнулись бы от удивления, но почему-то на мир он смотрел будто через щелки. Где он? И снова закрыл.

Стукнула дверь раз. Стукнула два. К нему приблизились быстрые шаги. Тронули за плечо.

– Мужчина, вы слышите меня? – прозвучал женский голос.

Кирилл открыл глаза. Перед ним стояла женщина лет 40-45. Пышечка в белом халате, в белой шапочке, с яркой красной помадой на губах. Он простонал:

– Пить.

– Ну, слава Богу, – вздохнула медсестра.

В течении пары секунд ему поднесли воду. Выпив полкружки, он спросил:

– Где я?

– В больнице, – ответила она ему. – Вы помните, кто вы?

– Я, Ки..., -начал говорить он и замолчал. В его голове защелкали мысли. Подъезд матери, попросили закурить, удар. – Что со мной?

– Вас доставили в больницу без сознания, раздетого, избитого, без документов.

У Кирилла перед глазами возник его офис. Николай, возмущенно спрашивающий его, а ты не думаешь, что это был заказ? И тут у Кирилла появилось чувство паники. Его хотят убить. "Кому верить? – возник в его голове вопрос. – Но если я здесь и живой, значит, тут меня точно не убивают".

Он усиленно разглядывал, стоящих вокруг людей – медсестру и, видимо его соседей по палате, двух мужчин, и молчал.

– Мужчина, вы помните свое имя? – медсестра снова задала вопрос.

– Нет, – сказал Кирилл и закрыл глаза.

Раздалось шарканье ног, народ расходился. На его плечо снова легла рука. По ощущениям женская.

– Ладно, отдыхайте. К вам подойдет врач, чуть позже.

"Меня, реально, хотят убить! Но кто??? Николай? Чтобы стать полновластным владельцем компании? Не верится. Не верится. Конкуренты? Более вероятное предположение. Или лично кто-то заинтересован в моей смерти? Кому я насолил так?"

От мыслей разболелась голова. В комнате стояла тишина. Соседи по палате скрипели пружинами кроватей, видимо, ворочаясь с боку на бок. Кирилл решил тоже повернуться, уж очень сильно пролежень в матрасе в спину давил. Попытался. Вырвался невольный стон. Бог мой, что же со мной было? Но о том вечере воспоминаний как не было, так и не появлялись в голове. Лучше не напрягаться. По фильмам об амнезии, говорилось, что память восстанавливается неожиданно. "Но меня там отключили, и вряд ли я вспомню тот вечер". – Незаметно за размышлениями Кирилл уснул.

Проснулся, когда в комнате было солнце. Вечернее. Попытался вновь встать. Таким недвижимым не представлял себя никогда и не был. Боль по всему телу распространилась и ударила в голову. Застонал, упал на подушку. Закрыл глаза. "Господи, когда я смогу встать?"

Стукнула дверь. Шаги приблизились к кровати. Звук ножек стула. Звук тела, садящегося на стул. Вздох. Кирилл с трудом открыл глаза. Возле кровати на стуле сидела мужчина в белом

халате старше 50 лет. На его лице были сильно выражены морщины возле глаз и носогубные. Врач, наверно, подумал лениво Кирилл. Заметив озабоченное выражение лица врача, попытался улыбнуться, мол, не все так плохо у него.

– Ну, здравствуйте, незнакомец, – басисто проговорил врач. – Меня зовут Кирилл Иванович. Вы знаете свое имя?

– Иван, – вдруг назвал себя Кирилл.

– Вот так вот, – улыбнулся врач, – уже неплохо. Сколько вам лет? Откуда вы?

– Доктор, – прошептал Кирилл.

– Что? – чуть наклонился к нему Кирилл Иванович.

– Доктор, – еще тише сказал Кирилл и врачу пришлось, вообще наклониться к нему. –

Положите меня в отдельную палату. Я вам заплачу.

– Кто вы? – шепнули ему в ответ.

– Ювелир Ромин Кирилл Сергеевич. Прошу только никому не говорите, – умоляющим голосом с трудом, зашептал Кирилл.

Глаза доктора расширились в удивлении. Он принял нормальное положение на стуле. Внимательно поглядел на него. Хмыкнул, достал из кармана смартфон и начал усиленно водить пальцем по экрану.

– Не надо, прошу, – попытался взять его за руку взволнованный Кирилл. Но рука его плохо слушалась. Удалось зацепиться лишь за халат.

– Не волнуйтесь, Иван, – громко сказал врач. – Лекарство ищу в нете, говорят хорошо на голову влияет. Срок амнезии сокращает.

Рука Кирилла упала на кровать. Сердечное сердцебиение вернулось в норму. Он устало закрыл глаза. Даже эти действия и волнение отняли у него много сил.

– Ну вот, – раздался голос врача, – нашел. Пишут экспериментальное, можно попробовать бесплатно. – Согласны, Иван?

Кирилл с удивлением смотрел на него. Какого черта, ему нужны неопробированные лекарства от амнезии, если он помнит кто он такой и откуда.

– Переведем вас в отдельную палату и будем ставить уколы. Лечение будет активным за счет научной компании.

Кирилл услышал, что отдельная палата, и выдохнул:

– Да.

– Отлично, – поднялся со стула врач. – Пойду указание дам, насчет палаты.

Чувство удовлетворения сняло напряжение, слабость снова взяла свое и Кирилл не заметил, как снова уснул. Где-то через час, знакомая медсестра, еще с двумя женщинами и врачом, на его счет: раз, два, переложили на каталку и повезли по коридору. Врач по дороге, дал распоряжения:

– Покормить, продезинфицировать все раны, переодеть, – и скрылся в одном из кабинетов.

В новой палате, кровать была с поднимающейся спинкой, и почти с ортопедическим матрасом. Кирилла положили, приподняли.

– Сейчас придет сиделка, покормит вас, – сказала медсестра и ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.